Сказка Горе.

Рисовалъ
Э. Э. Лисснеръ.

Изданіе
Г. Э. Лисснеръ.

СКАЗКА

Горе.

Въ одной деревнѣ жили два родныхъ брата: одинъ былъ богатый, другой — бѣдный. Надоѣла деревня богатому; переѣхалъ онъ въ городъ, выстроилъ себѣ большой домъ, завелъ торговлю и еще больше разбогатѣлъ; а бѣдный братъ, какъ ни бился, съ утра до вечера, точно рыба объ ледъ, попрежнему ничего не имѣлъ, и даже, случалось, иной разъ куска хлѣба не было ребятишкамъ, а ребятишки все малъ-мала-меньше, плачутъ да ѣсть просятъ.

Однажды бѣднякъ и говоритъ своей женѣ:

„А что, не сходить ли къ брату да попросить: можетъ-быть, онъ поможетъ чѣмъ-нибудь?“

Жена согласилась, и онъ пошелъ въ городъ къ богатому брату.

„Братецъ родимый! помоги сколько-нибудь моему горю: жена и дѣти безъ хлѣба сидятъ, голодаютъ по цѣлымъ днямъ“.

„Поработай у меня эту недѣлю, тогда и помогу“.

Дѣлать нечего, остался бѣдный работать у богатаго брата. Онъ и дворъ чиститъ, и лошадей прибираетъ, и воду возитъ, и дрова колетъ...

Черезъ недѣлю даетъ ему богатый ковригу хлѣба.

„Вотъ тебѣ за труды“.

„И за это спасибо!“ поблагодарилъ бѣдный и хотѣлъ уже домой итти.

„Постой! — говоритъ богатый. — Приходи завтра съ женой ко мнѣ въ гости: завтра мои именины“.

„Куда ужъ мнѣ, братецъ! Къ тебѣ соберутся гости въ сапогахъ да въ шубахъ, а я, самъ видишь, хожу въ лаптяхъ да въ рваномъ полушубкѣ“.

„Ничего, приходи! и тебѣ мѣсто найдется“.

„Ну, хорошо, приду“.

Воротился бѣдный домой, отдалъ женѣ ковригу и говоритъ:

„А насъ съ тобой, жена, въ гости звали“.

„Въ гости!? Кто же звалъ?“.

„Братъ; онъ завтра именинникъ“.

„Ну, что жъ, пойдемъ!“

Наутро встали они и пошли въ городъ. Пришли къ богатому брату, поздравили его съ ангеломъ и усѣлись въ сторонкѣ на лавку.

Э. ЛИССНЕРЪ. 1901

У именинника за столомъ ужъ много гостей сидитъ; всѣхъ ихъ угощаетъ хозяинъ на славу, а про бѣднаго брата съ женой и думать забылъ. А они сидятъ да только посматриваютъ, какъ другіе пьютъ да ѣдятъ.

Вотъ кончился обѣдъ, гости стали выходить изъ-за стола, хозяина съ хозяйкой за хлѣбъ-соль благодарить, и бѣдный братъ тоже поднялся съ лавки и кланяется брату, тоже благодаритъ.

Гости поѣхали домой навеселѣ, шумятъ, пѣсни поютъ, а бѣдный какъ пришелъ, такъ и возвращается съ пустымъ желудкомъ.

Идетъ онъ съ женой путемъ-дорогою, и таково-то ему грустно стало.

„Давай, — говоритъ женѣ, — и мы запоемъ пѣсню“.

„Эхъ, ты! — говоритъ жена: — люди поютъ оттого, что сладко поѣли да много выпили, а ты съ чего пѣть будешь?“

„Ну, все-таки, жена, вѣдь и я тоже у брата на именинахъ былъ. Какъ запою, такъ всякій подумаетъ, что и меня тоже хорошо угостили“.

„Ну, и пой, если хочешь, а я не стану“.

Запѣлъ мужикъ, и слышитъ — кто-то подпѣваетъ ему тоненькимъ-тоненькимъ да жалобнымъ голоскомъ.

Онъ пересталъ пѣть и спрашиваетъ жену:

„Это ты подсобляешь мнѣ пѣть?“

„И не думала вовсе!“

„Такъ кто же?“

„Не знаю? А ну-ка, запой еще, я послушаю“.

Онъ опять запѣлъ; поетъ-то одинъ, а слышно два голоса. Остановился бѣдный и говоритъ:

„Это Горе мнѣ пѣть помогаетъ!“

Э. ЛИССНЕРЪ. 1901.

А Горе и вправду отзывается:

„Да, хозяинъ! это я тебѣ подсобляю“.

„Ну, Горе, пойдемъ съ нами“.

„Пойдемъ, хозяинъ; я отъ тебя ужъ не отстану“.

Пришли они домой, а Горе зоветъ мужика въ кабакъ.

„У меня денегъ нѣтъ!“ говоритъ бѣдный.

„Эхъ, ты, недогадливый! да на что тебѣ деньги? Вотъ на тебѣ полушубокъ надѣть, а на что онъ? Скоро лѣто придетъ, все равно, носить не станешь. Пойдемъ въ кабакъ да полушубокъ по боку“.

Пошли мужикъ и Горе въ кабакъ и пропили полушубокъ.

На другой день горе заохало — съ похмелья голова болитъ, и опять зоветъ мужика винца испить.

„Денегъ нѣтъ!“ говоритъ мужикъ.

„Да на что намъ деньги? Возьми сани да телѣгу, съ насъ и довольно“.

Нечего дѣлать, не отбиться мужику отъ Горя. Взялъ онъ сани и телѣгу, стащилъ въ кабакъ и пропилъ.

Наутро Горе еще пуще заохало, зоветъ хозяина опохмелиться, — мужикъ пропилъ борону и соху. Не прошло и мѣсяца, какъ мужикъ все спустилъ, даже избу свою заложилъ сосѣду, а деньги въ кабакъ снесъ.

Горе снова пристаетъ къ мужику: „Пойдемъ да пойдемъ въ кабакъ!“

„Нѣтъ, Горе, воля твоя, а больше тащить ужъ нечего!“

„Какъ нечего? У твоей жены вѣдь два сарафана; довольно ей и одного, а другой пропить надобно.

Взялъ мужикъ у жены сарафанъ поновѣе, продалъ его, а деньги пропилъ.

„Вотъ когда чистъ: ни кола, ни двора! ни на себѣ, ни на женѣ!...“

Поутру проснулось Горе, видитъ — у мужика нечего больше взять, и говоритъ:

„Хозяинъ!“

„Что, Горе?“

„А вотъ что. Ступай къ сосѣду и попроси у него лошадь съ телѣгой“.

„А зачѣмъ?“

„Ступай! Скажи, что дровъ привезти надо“.

Пошелъ мужикъ къ сосѣду.

„Дай, — проситъ, — лошадь съ телѣгой на время; я на тебя хоть недѣлю за это проработаю“.

„На что тебѣ?“

„Въ лѣсъ за дровами съѣздить“.

„Возьми, пожалуй, да только не великъ возъ накладывай“.

Привелъ мужикъ домой лошадь, сѣлъ вмѣстѣ съ Горемъ въ телѣгу и поѣхалъ въ чистое поле.

„Хозяинъ, — спрашиваетъ Горе, — знаешь ли ты на этомъ полѣ большой камень?“

„Еще бы не знать!“

„А если знаешь, поѣзжай прямо къ нему“.

Пріѣхали они къ большому камню, остановились и вылѣзли изъ телѣги. Горе велитъ мужику поднимать камень. Мужикъ поднимаетъ, Горе ему подсобляетъ. Вотъ подняли камень, а подъ нимъ яма, — полнехонько золотыми монетами насыпана.

„Нечего глядѣть, — говоритъ Горе, — таскай скорѣй золото въ телѣгу!“

въ нее, мужикъ и прикрылъ его камнемъ.

Принялись они за работу и насыпали телѣгу золотомъ,—все изъ ямы повыбрали.

Мужикъ видитъ, что ужъ больше ничего не осталось въ ямѣ, и говоритъ Горю:

„Посмотри-ка, Горе, никакъ тамъ еще деньги остались...“

Горе нагнулось:

„Нѣтъ, я что-то не вижу!“

„Да вонъ въ углу свѣтится!“

„Нѣтъ, не вижу!“

„Полѣзай въ яму, такъ и увидишь!“

Полѣзло Горе въ яму; только что спустилось

„Вотъ такъ-то лучше будетъ! — говоритъ: — а то если взять тебя съ собой, такъ ты, Горе-горемычное, хоть и не скоро, а все же пропьешь и эти деньги.“

Пріѣхалъ мужикъ домой, свалилъ деньги въ подполье, лошадь отвелъ къ сосѣду и сталъ думать, какъ бы теперь ему получше устроиться. Наконецъ придумалъ: купилъ лѣсу, выстроилъ большія хоромы и зажилъ даже лучше своего брата. Долго ли, коротко ли, поѣхалъ онъ въ городъ звать своего брата къ себѣ на именины.

„Ишь что выдумалъ, — сказалъ братъ, — у самого ѣсть нечего а онъ еще именины справляетъ!“

„Ну, когда-то было нечего ѣсть, а теперь, слава Богу, всего довольно. Пріѣзжай — увидишь!“

„Ладно, пріѣду“.

Въ день братниныхъ именинъ собрался богатый съ женою и пріѣхалъ въ деревню. Смотритъ, а у его брата, голыша-то, хоромы новыя, высокія, хоть бы и любому купцу такія!

Угостилъ мужикъ брата съ женой, употчевалъ всякими яствами и напитками, и медами, и винами.

Вотъ купецъ и спрашиваетъ брата:

„Скажи, пожалуйста, какими судьбами ты разбогатѣлъ?“

Мужикъ разсказалъ брату по чистой совѣсти, какъ привязалось къ нему Горе-горемычное, какъ прожилъ онъ съ Горемъ все свое добро до послѣдней питки, — только и осталось, что душа въ тѣлѣ, — какъ Горе указало ему кладъ въ полѣ, какъ онъ забралъ этотъ кладъ и какъ избавился отъ Горя.

Завидно стало богатому.

„Дай, — думаетъ, — поѣду въ поле и вышущу Горе изъ

Э. ЛИССНЕРЪ. 1902.

ямы, — пусть оно разоритъ брата, чтобы не смѣлъ передо мною чваниться своимъ богатствомъ“.

Отправилъ купецъ свою жену домой, а самъ поѣхалъ въ поле, отыскалъ большой камень, своротилъ его въ сторону и только нагнулся къ ямѣ, чтобы посмотрѣть, что̀ въ ней находится, какъ Горе выскочило изъ ямы и усѣлось ему на шею.

„А, — говоритъ, — ты хотѣлъ меня здѣсь уморить! Теперь ужъ я отъ тебя ни за что не отстану!“

„Послушай, Горе! вовсе не я засадилъ тебя въ яму; напротивъ, я пришелъ выпустить тебя“.

„Не ты?! Такъ кто же?“

„Это — братъ мой!“

„Нѣтъ, врешь! Больше меня не обманешь!“

Крѣпко насѣло Горе богатому на шею; привезъ онъ его домой, и пошли у него хозяйство и торговля вкривь да вкось. Съ утра Горе за свое принимается: зоветъ купца выпить да опохмелиться. Много добра у купца въ кабакъ ушло.

„Нехорошо такъ жить, — думаетъ про себя купецъ, — довольно потѣшилъ я Горе, пора бы и разстаться съ нимъ“.

Думалъ, думалъ купецъ, какъ бы ему развязаться съ Горемъ, и надумалъ. Нашелъ на дворѣ два дубовыхъ клина, обтесалъ ихъ, взялъ новое колесо и крѣпко-накрѣпко забилъ клинъ съ одного конца во втулку. Приходитъ къ Горю и говоритъ:

„Что ты, Горе, все на боку лежишь?“

„А что жъ мнѣ больше дѣлать?“

„Да пойдемъ на дворъ хоть въ прятки играть!“

Вышли они на дворъ. Сначала купецъ спрятался, Горе сейчасъ же нашло его. Очередь прятаться Горю.

„Ну, ужъ меня-то не скоро найдешь; я въ любую щель забьюсь!“

„Куда тебѣ! говоритъ купецъ: — ты въ это колесо не влѣзешь, не то что въ щель!“

„Не влѣзу? А нука, смотри, какъ еще влѣзу-то!“

Какъ только влѣзло Горе въ колесо, купецъ взялъ да съ другого конца и забилъ во втулку второй дубовый клинъ. Горе такъ и осталось въ колесѣ. А купецъ снесъ колесо на рѣку и забросилъ его съ камнемъ въ воду. Колесо потонуло, а вмѣстѣ съ нимъ и Горе, и купецъ опять заживъ по-старому, — сталъ жить-поживать да добра наживать.

Дозволено цензурою. Москва, 6 ноября 1902 г.

типо-лит. т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К° москва.

Цѣна 75 коп.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

Главный складъ изданія: у Г. ЛИССНЕРА, Москва, Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., домъ Лисснера.

типо-лит. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и Кº москва.